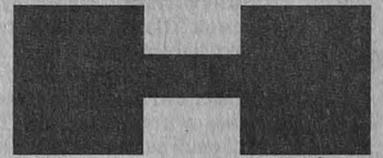

Селогриш. - 1993. - 2 шарт. (№2) - С. 8.

Приговор и молитва над Чертовой ямой

О новом романе Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» (Новый мир, 1992, NN 10-12)

Андрей Немзер

ЛИТЕРАТУРА

ебо и земля едва угадывались. Их смешало и соединило стылым мороком. На всем, на всем, что было и не было вокруг, царило беспросветное отчуждение, неземная пустыннось...

Кто плачет, кто мучается, кто умирает в этом тяжелом тумане? Где мы, читатели астафьевского романа, находимся? Это не фронт и даже не прифронтовая полоса - это лагерь, где формируются будущие боевые части, это запасной полк, это «Чертова яма» - так называется первая книга повествования, - это гиблое, зараженное бедой и напоенное болью место, которому суждено исчезнуть. Уйдут на фронт бойцы 21 стрелкового полка, а годы спустя покроют мертвую землю воды рукотворного Обского моря.

Безотчетный и почти непреодолимый ужас испытывают с первых страниц астафьевские герои - новобранцы, мальчишки, дети, которым суждена смерть. Ужас осязаем, физиологичен: голод, холод, недуги, брань, побои, издевательства. И общая бессмыслица происходящего. Меньше всего здесь думают о завтрашнем дне, о фронте, о войне. Жадная сталинградская мясорубка возьмет любое «мясо». Не нужны люди с их душами и судьбами - нужен материал; нет полуголодных больных мальчишек и отохравшихся казнокрадов - есть крепкий тыл сталинских речей, есть огромная страна, что будет и будет бросать в огонь своих сыновей. А чтоб легче текла масса навстречу врагу, человек должен быть загодя растоптан: неразумной муштрой, убивающей нищетой, томительным бездельем, взаимным отчуждением, сопричастностью злу.

Ротный забивает насмерть доходягу Попцова. В штрафную роту попадает прибалтийский бузотер Зеленцов. Показательным расстрелом заканчиваются жизни близнецов Снегиревых, «дезертиров», сдуру сходивших в родную деревню и спокойно вернувшихся в полк, на смерть. Убийство близнецов - смысловой центр астафьевского повествования. Всем - от желторотых новобранцев до полкового командира - ясно: преступления не было. Почти все до последней минуты верят: обойдется; как чуда, ждут замены казни - штрафной ротой, быстрой смерти - медленной. Все после казни сознают свою причастность свершившемуся. И почти все ищут виноватых. «Убийцы!» - кричит сравненный с Дон Кихотом картавый и нескладный интеллигент Васкоян. Бравый, опытный, знающий, почем фунт лиха, командир взвода Шусь успевает гаркнуть на солдата, желая уберечь его от наказания, но чувствует он то же самое. Все ненавидят и презирают чужаков - майора, зачитавшего приговор, и лейтенанта, руководившего расстрелом. Автор здесь вроде бы заодно с героями, но разве только в «исполнителях» дело? Убийства не хотел никто. И никто не остановил. Сознание вины распяляет злобу на других, на весь этот бесчеловечный мир.

Помкомвзвода Яшкин уверен: убийство случится; он «повидал кое-что пострашнее, чем расстрел соливых мальчишек». Журнальные страницы хватает Астафьеву для рассказа о кровавом месиве отступления: вязнущие танки, тонущие солдаты, пьяный до полусмерти командир полка (или бригады), с энтузиазмом расстреливающий своих солдат. «...За речкой обнаружилось: тех, кто жаждал воевать не с фашистом-врагом, а со своими собратьями по фронту гораздо больше, чем на противоположном берегу боеспособных людей».

За священной войной открывается другая - гражданская, братоубийственная, превращающая человека в комок страха и агрессивности. Где кончается сжигающая душу боль и начинается кураж «че-

ловека при власти»? Где кончается простодушная хитрость ребенка, обряженного в шинель, и начинается придурочная симуляция? Где грань, отделяющая защиту собственного достоинства от наглого самодовольства? Когда пьянство спасает от черного морока, а когда становится причиной злодеяний? Нет ответов. На то и туман, на то и гниль под ногами, на то и «чертова яма», из которой не выберешься.

АЛЕКСАНДР КАЗАНОВ

Астафьев не вспоминает - он живет той болью, которую не назывешь «вчерашней», «давней». Есть человек. И есть безличная, безжалостная, безобразная сила - коммунистическая власть. Так полвека назад. Так сейчас. Говоря о 1942 годе, Астафьев физически ощущает (и заставляет ощутить читателя) страшное «последствие» тех дней, тех бед. «Печальный детектив» и «Людочка» родились из этой боли, - без них не был бы написан роман о войне.

«Автор хорошо и давно знает, в какой стране он живет, с каким читателем встретится, какой отклик его ждет, в первую голову от военных людей...» - послесловие страшно читать. И не в «военных людях» проблема. Другое ужасает писателя, а с ним и читателя - невыговоренный, но просящийся на язык вопрос: «А что, если вся страна наша чертова яма?»

Балладная фантазмагория связывает прежние и нынешние кошмары. Прокляты убивавшие, прокляты забывшие о тех днях, той жизни, тех смертях. Но как отделить проклятых от убитых? Герои Астафьева и его читатели возматили на одной и той же советской земле. Земле, утраченной своей святостью. Военные беды, распыл человеческих судеб, обреченные на бесплодие

хлебные поля - это ведь тоже «последствие», следствия давней другой беды. И грех перед погибшими рожден той же давней бедой. Страна, допустившая революцию, оказывается обреченной. «Прокляты и убиты» - о ком это сказано?

В авторских отступлениях, где иногда мощно, а иногда надрывно звучит голос оповедника, слышится тяжелый ответ: прокляты все. Сюжетные зацепки, что расставляет писатель, планируя продолжение (скорее всего, рассчитанное не на одну книгу), обещают несколько иное решение. Если писателю нужно двигаться дальше, если что-то, кроме череды смертей, еще ждет героев, значит, итог не подведен.

Лагерному аду предшествовало вовсе не райское житье. Астафьевские мальчишки не только исстрадались - у многих из них нет душевных опоры (исключения, вроде старообрядца Коли Рындина или Шуса, подтверждают силу «основного закона»). И все же есть в бывших детдомовцах, детях «случайных семейств», интеллигентных недотепов и нагловатых блатарях что-то не предусмотренное советской системой. Есть инстинкт жизни, есть тяга к добру, есть умение разделять чужую боль. В «чертовой яме» люди ищут Бога. Почти в унисон звучат богоборческие выкрики Яшкина, мучающегося после расстрела близнецов, и молитва старообрядцев о новопреставленных рабах Божьих. И молитва эта заставляет расслышать в вое старшего сержанта «Нету бога. Иль не слышит он нас. Отвернулся» отголосок той тоски, что около девятого часа исторгла из уст Спасителя слова: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?».

Молитва перекрывает приговор. В той части астафьевского романа, что пришла к читателю, поиск истины важнее вроде бы заготовленного «вывода». Личный человеческий опыт - важнее «фактов».

Пока Астафьев помнит своих братиков-солдатиков, пока есть у него надежда на читателя («Автор хорошо и давно знает...» - и все же пишет, ставит слово к слову, эпизод к эпизоду, срывается, морализирует, гневается, убеждает, но не смолкает), пока чувство совинности пересиливает равнодушие и желание свалить грех на соседа, пока звучит (пусть косноязычно) молитва, название романа не становится окончательным приговором. Прокляты. Убиты. Свалены в «чертову яму». - Души людские бессмертны. Бог милосерден. ●